начинали понимать, что законы человѣческіе, выдаваемые за законы божескіе, писаны людьми, что люди не могутъ быть непогрѣшимы, какимъ бы они ни были облечены внѣшнимъ величіемъ, и что ошибающіеся люди не сдѣлаются непогрѣшимыми оттого, что они соберутся вмѣстѣ и назовутся сенатомъ или какимъ нибудь другимъ такимъ именемъ. Тогда уже это чувствовалось и понималось многими. И тогда то и было проповѣдуемо Христомъ его ученіе, состоящее не въ томъ только, что не надо противиться злу насиліемъ, а ученіе о новомъ пониманіи жизни, частью, или скорѣе, приложеніемъ котораго къ общественной жизни и было ученіе о средствѣ уничтоженія борьбы между всѣми людьми не тѣмъ, чтобы обязать только одну часть людей безъ борьбы покоряться тому, что извѣстными авторитетами будетъ предписано имъ, а тѣмъ, чтобы никому, слѣдовательно и тѣмъ (и преимущественно тѣмъ), которые властвуютъ, не употреблять насилія ни противъ кого, ни въ какомъ случаѣ.

Ученіе это было принято тогда только самымъ малымъ числомъ учениковъ, большинство же людей, въ особенности всѣ тѣ, которые властвовали надъ людьми, и послѣ номинальнаго принятія христіанства продолжало для себя держаться правила противленія насиліемъ тому, что ими считалось зломъ. Такъ шло это при Римскихъ и Византійскихъ императорахъ, такъ продолжалось это и послѣ.

Несостоятельность принципа авторитетнаго опредѣленія того, что есть зло, и противленія ему насиліемъ, уже очевидная въ первые вѣка христіанства, стала еще очевиднѣе при разложеніи Римской имперіи на многія равноправныя государства, при ихъ враждѣ между собою и при внутренней борьбѣ, происходившей въ государствахъ.

Но люди не были готовы для принятія рѣшенія, даннаго Христомъ, и прежнее средство опредѣленія зла, которому надо противиться посредствомъ установленія обязательныхъ для всѣхъ законовъ, приводившихся въ исполненіе силою, продолжало прилагаться. Рѣшителемъ того, что должно было считать зломъ и чему противиться насиліемъ, былъ то папа, то императоръ, то король, то собраніе выбранныхъ, то весь народъ. Но какъ внутри, такъ и внѣ государства, всегда находились люди, не признававшіе для себя обязательными ни постановленій, выдаваемыхъ за велѣніе божества, ни постановленій людей, облеченныхъ святостью, ни учрежденій, долженствовавшихъ представлять волю народа, и люди, которые считали добромъ то, что существующія власти считали зломъ, и такимъ же насиліемъ, которое употреблялось противъ нихъ, боролись противъ властей.

Люди, облеченные святостью, считали зломъ то, что люди и учрежденія, облеченные свѣтской властью, считали добромъ, и наоборотъ: и борьба становилась все жесточе и жесточе. И чѣмъ дальше держались люди такого способа разрѣшенія борьбы, тѣмъ очевиднѣе становилось, что этотъ способъ не годится, потому что нѣтъ и не можетъ быть такого внѣшняго авторитета опредѣленія зла, который признавался бы всѣми.

Такъ продолжалось 18 вѣковъ и дошло до того, до чего дошло теперь, — до совершенной очевидности того, что внѣшняго обязательнаго для всѣхъ опредѣленія зла нѣтъ и не можетъ быть. Дошло до того, что люди перестали не только вѣрить въ возможность отысканія этого общаго, обязательнаго для всѣхъ опредѣленія, но перестали вѣрить даже и въ необходимость выставленія такого опредѣленія. Дошло до того, что люди, имѣющіе власть, перестали уже доказывать то, что они считаютъ зломъ, есть зло, но прямо стали говорить, что они считаютъ зломъ то, что имъ не нравится, а люди, повинующіеся власти, стали повиноваться ей не потому уже, что вѣрятъ, что опредѣленія зла, даваемыя этой властью, справедливы, а только потому, что они не могутъ не повиноваться. Не потому присоединена Ницца къ Франціи, Лотарингія къ Германіи, Чехія къ Австріи; не потому раздроблена Польша; не потому Ирландія и Индія подчиняются Англійскому правленію; не потому воюютъ съ Китаемъ и убиваютъ африканцевъ; не потому американцы изгоняютъ китайцевъ, а русскіе тѣснятъ евреевъ; не потому землевладѣльцы пользуются землей, которую они не обрабатываютъ, и капиталисты произведеніями труда, совершаемаго другими, что это — добро, нужно и полезно людямъ и что противное этому есть зло, а только потому, что тѣ, кто имѣетъ власть, хотятъ, чтобы это такъ было. Сдѣлалось то, что есть теперь: одни люди совершаютъ насилія уже не во имя противодѣйствія злу, а во имя своей выгоды или прихоти, а другіе люди подчиняются насилію не потому, что они считаютъ, какъ это предполагалось прежде, что насиліе дѣлается надъ ними во имя избавленія ихъ отъ зла и для ихъ добра, а только потому, что они не могутъ избавиться отъ насилія.

Если римлянинъ, средневѣковый, нашъ русскій человѣкъ, какимъ я помню его за 50 лѣтъ тому назадъ, былъ несомнѣнно убѣжденъ въ томъ, что существующее насиліе власти необходимо нужно для избавленія его отъ зла, что подати, поборы, крѣпостное право, тюрьмы, плети, кнуты, каторги, казни, солдатство, войны такъ и должны быть — то вѣдь теперь рѣдко уже найдешь человѣка, который бы не только вѣрилъ, что всѣ совершающіяся